

Е. В. Головнёва

**МИФОЛОГИЗАЦИЯ КАК СПОСОБ КОНСТРУИРОВАНИЯ
ГОРОДСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (Екатеринбург на интернет-форумах)***

УДК 39(470.5)

ББК 63.500

В статье обосновывается тезис о том, что городская идентичность представляет собой конструируемую пространственную идентичность. Она подвержена идеологическому воздействию и имеет разную размерность, в том числе мифологическую. Мифологизация города рассматривается как формирование в сознании горожан его образа с использованием мифологических приемов мышления, таких как противопоставление «мы–они», возвышение истории и культуры своего города, персонификация неодушевленных объектов, сакрализация каких-либо сфер деятельности, исторических сюжетов или персон, апелляция к нумерологии, маркирование территории, выделение знаковых и таинственных мест в пространстве города. На основе анализа данных интернет-форумов о Екатеринбурге выявляется содержание мифологизации в современном пространстве города. Городская идентичность Екатеринбурга рассматривается как явление, функционирующее на основе различных мифологем города как «центра горнозаводской цивилизации», «минералогического рая», города с «портовой мифологией», города, где живут «выдающиеся» личности и есть «мистические места», и др. Делается вывод о том, что в условиях культуры постмодерна городское мифотворчество подразделяется на мифотворчество «сверху» и «снизу» (народную мифологию), а современные мифы наполняют мегаполисы новыми смыслами и позволяют городам подчеркивать свою исключительность. Мифологемы являются неотъемлемой частью городской идентичности и поиска имиджа города, как условие повышения его статуса.

Ключевые слова: город, образ города, городская идентичность, социальное конструирование реальности, конструкт, городская мифология, мифологизация, Екатеринбург

Необходимым основанием адекватного понимания сущности идентичности на современном этапе является признание того, что она подвержена конструированию. Термин «конструирование» в настоящее время активно применяется за пределами технического знания, в социально-гуманитарных дисциплинах: в юриспруденции говорят о конструировании правовой нормы, в философской антропологии и философии — о конструировании человека, в социально-культурологических дисциплинах — о конструировании этнической и региональной идентичности.

Используя в качестве методологического принципа теорию социального конструктивизма,¹ мы можем говорить и о городской иден-

тичности как о конструируемой пространственной идентичности, как о ландшафтных и локально-мифологических представлениях, которые являют город как определенное место. При этом «мифологическое» понимается нами не как древнейшие мифологические образования, возникшие в архаическом обществе, а как вторичные и третичные мифы, концептуально обработанные и существующие в современном обществе,² выступающие важным компонентом городской идентичности. Городская идентичность определяется как форма пространственной идентичности, маркирующая границу города, задающая его «телесность». Под пространственной идентичностью имеется в виду «ощущение, проживание и даже рефлексия... “специфики своей” территории на уровне группового и личного сознания».³

Рассмотрение городской идентичности как конструкта предполагает, что она не является

¹ См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М., 1995. Конструктивизм в теории познания. М., 2008; Gergen K. J. Realities and Relationships: Soundings in Social Constructionism. Cambridge 1994; Harre R., Muhlhauser P. Pronouns and People. The Linguistic Construction of Social and Personal Identity. Oxford, 1990.

Головнёва Елена Валентиновна — к.философ.н., доцент, УрФУ (г. Екатеринбург)
E-mail: golovneva.elena@gmail.com

* Статья выполнена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-33-0138 «Образ региона в культурфильме (на примере творчества А. Литвинова)»

² См.: Пивоев В. М. Философия надежды, или Мифология. Петрозаводск 2011; Бесков А. А. Мифология мифологии // Общество. Среда. Развитие. 2015. № 1. С. 116–120.

³ Каганский В. Л. Ареальная парадигма пространственной идентичности: основания, пределы, выход за пределы // Вестн. Перм. науч. центра. 2014. Спецвып. 5. С. 11.

неизменной, а постоянно «достраивается» и трансформируется в процессе человеческой деятельности. Городская идентичность может высвечивать определенные срезы в отражении городского пространства, испытывать постоянное идеологическое воздействие акторов конструирования: СМИ, политической элиты, деятелей культуры, ученых и т. п. В таком контексте городская идентичность предстает как «арена» борьбы различных групп интересов за символическое маркирование территории города при помощи топонимов, знаковых фигур и мест памяти, юбилейных празднеств, конструирования образов горожан и др.⁴

Следует указать еще на ряд аспектов рассмотрения городской идентичности в рамках конструктивизма, которые меняют до некоторой степени представления о ее статусе, но вместе с тем, как представляется, способствуют современному пониманию основ ее функционирования.

Конструктивизм как исследовательская программа предполагает, во-первых, размещение объекта изучения в поле субъектной контекстуальности.⁵ Это означает признание в городской идентичности значимости субъектной составляющей: образов, идей, представлений об истории формирования города, о возможных вариантах его будущего развития, о его миссии и т. п. Образы города не даны изначально: они исторически обусловлены, конструируются в процессе жизнедеятельности горожан как результат выбора ими референтных групп, дистанцирования от других городских сообществ, освоения определенных культурных практик (коммуникативных, профессиональных, досуговых и т. п.), степени подверженности влиянию масс-медиа. Образы города являются элементами конструирования городской идентичности и могут быть полными и неполными, рефлексивными и нерефлексивными, позитивными и негативными, но, взятые вместе, они относительно полно характеризуют городскую идентичность. По выражению Д. Н. Замятина, эти образы приобретают свойство консолидировать социум и упорядочивать его картину мира.⁶

Во-вторых, конструктивизмом задается необходимость установления круга факторов, определяющих характер достройки и трансформации изначальной данности, а также их систематизации и иерархизации.⁷ Для городской идентичности такими факторами, на наш взгляд, являются институционально-политическое измерение, экономическое значение города, существующая в его рамках культурная стандартизация, историческое развитие города, его мифология. Взятые вместе или по отдельности, факторы конструирования задают возможные параметры изучения городской идентичности, т.е. ее политическую, экономическую, историческую и мифологическую размерность.

Кроме того, конструктивизм в силу своего технического генезиса предполагает анализ структуры изучаемого объекта, логическую определенность результата действия как основы его функционирования.⁸ Понятие «конструирование» непротиворечиво соотносится со словосочетанием «придание формы» как внутреннего порядка объекта. В этом контексте вопросы: из каких компонентов складывается городская идентичность? как происходит ее конструирование? кто является агентом конструирования городской идентичности? какие смыслы задействованы в этом процессе? — могут получить содержательные ответы.

Одним из способов конструирования городской идентичности является мифологизация города, т. е. формирование его образа с использованием мифологических приемов мышления. Специфика мифологического мышления выражается в ценностно-смысловом структурировании реальности, в ассоциативности, поляризованности (представление о мире как о поле взаимодействия полярных начал), в инцидентном типе объяснения, в котором элементы существующего порядка вещей выводятся из локальных событий, происшедших в прошлом (в противоположность объяснению через общую закономерность).⁹

Мифологический принцип уже давно выступает в качестве урбанистической парадигмы, задавая восприятие города как особого

⁴ См.: Пунина К. А., Ромашова М. В. Локальная идентичность: город как среда, объект и институт формирования идентичности // *Борьба за идентичность и новые институты коммуникации*. М., 2012. С. 215–235.

⁵ См.: Мартишина Н. И. Конструктивистская исследовательская программа в социально-гуманитарном знании // *Гуманитарные исследования*. 2015. № 2 (6). С. 22.

⁶ См.: Замятин Д. Н. Гуманитарная география: предмет изучения и основные направления развития // *Общественные науки и современность*. 2010. № 4. С. 133, 134.

⁷ См.: Мартишина Н. И. Указ соч. С. 22.

⁸ Там же.

⁹ См.: Мартишина Н. И. Мифологизация как способ освоения городской среды // *Современный город: социальность, культура, жизнь людей: материалы XVII Междунар. науч.-практ. конф.* (Екатеринбург, 14–15 апреля 2014). Екатеринбург, 2014. С. 216.

мифологического текста.¹⁰ Исследователи при этом исходят из убеждения, что в сознании представителей городской общности существует некое общее знание, общий набор стереотипов сознания, мифологем, которые актуализируются и воспроизводятся в различного рода коммуникациях. Мифологемы являются неотъемлемой частью создания/конструирования городской идентичности. Исходя из этого, в настоящей работе делается попытка проанализировать мифологию как способ конструирования городской идентичности. В статье используются данные интернет-форумов, посвященных Екатеринбург.

О мифологизации городской идентичности

Применительно к региональным идентичностям Д. Н. Замятин отмечает, что, «с одной стороны, они как бы выпрямляют локальные мифы в когнитивном отношении, ставя их на “службу” конкретным локальным и региональным сообществам, а с другой стороны, само существование, воспроизводство и развитие региональных идентичностей, по-видимому, невозможно без выявления, реконструкции или деконструкции старых, хорошо закрепленных в региональном сознании мифов и основания и разработки новых локальных мифов, часть которых может постепенно закрепиться в региональном сознании, а часть — оказавшись слабо соответствующей местным географическим образам-архетипам и действительным потребностям поддержания региональной идентичности — практически исчезнуть».¹¹ Подобное утверждение, на наш взгляд, является справедливым и в контексте рассуждений о городской идентичности.

Типичными слагаемыми городских мифологий являются мифы о происхождении/основании города, его знаковых личностях (культурных героях), о славном историческом прошлом

города, его сакральных местах и т. п. Они актуализируются и воспроизводятся в различного рода коммуникациях (например, в суждениях «Москва — это единственное место в стране, где только и можно жить по-человечески» или «Петербург — это культурная столица России, город, сохранивший ауру интеллигентности, в отличие от бюрократической и хамской Москвы»).

Потребность в мифологизации городского пространства актуализируется в условиях перегруженности жизненной среды человека рациональными образами. Так, Л. Вирт выделяет следующие черты, присущие городу: усиление анонимности общения; уменьшение социальной роли семьи и соседской общины; преобладание вторичных, формально-ролевых отношений; уменьшение роли традиции; ослабление социальной солидарности; чувство одиночества в равнодушном мире.¹² Включение в городское пространство постмодернистской архитектуры административных и офисных зданий, огромных рекламных конструкций на крышах элитных жилых зданий оказывается разрушительным для мифологии города. В структуре мегаполиса исчезают транзитные «не-места», которые теперь характеризуются высокой культурной и социальной освоенностью, (например, вокзал как развлекательный центр, подземный переход как торговый павильон, гипермаркет как конференц-площадка, метро как читальный зал и т. п.).¹⁴ Реальность становится искусственной, созданной с целями, лежащими вне нашей собственной системы смыслов. Мифологический принцип организации пространства в этих условиях действует уже не в рамках целостной городской среды, а на уровне локальных мест.¹⁵ Однако потребность в субъективной размерности городского пространства никуда не исчезает; более того, с удивительной регулярностью в мегаполисах появляются места, насыщенные

¹⁰ См., напр.: Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: избранные. М., 1995. С. 259–367; Синдаловский Н. А. Мифология Петербурга: очерки. СПб., 2000; Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь, 2000; Пелипенко А. А. Городской миф о городе (в эволюции художественного сознания и городского бытия) // Город и искусство: субъекты социокультурного диалога. М., 1996. С. 39–48; Линч К. Образ города. М., 1983; Brockmeier J. Texts and other symbolic spaces // Mind, culture and activity. 2001. Vol. 8, No. 3. P. 215–230.

¹¹ Замятин Д. Н. Локальные мифы: модерн и географическое воображение. URL: <http://www.intelros.ru/subject/figures/dmitry-zamyatin/12250-lokalnye-mify-modern-i-geograficheskoe-voobrazhenie.html> (дата обращения: 12.01.2016).

¹² Вендина О. И. Московская идентичность или идентичность москвичей // Изв. РАН. Серия географическая. 2012. № 5. С. 28.

¹³ См.: Вирт Л. Избранные работы по социологии: сб. пер. М., 2005. С. 93.

¹⁴ Николаева Е. В. Город-миф, город-коллаж, город-гипертекст // Культура как предмет междисциплинарных исследований: материалы II Междунар. науч. конф. Томск, 11–13 мая 2010. Томск, 2010. С. 173.

¹⁵ Интересно, к примеру, в этом смысле концепция строения и восприятия современных элитных жилых комплексов, где производится своя локальная мифология (громкие названия типа «Европейский», «Премиум», «Эльдорадо» и т. п., единое внутриквартальное пространство, система допуска «свой-чужой», уникальный вид на исторический центр города и т. д.).

для горожан мифологическими сюжетами, утопическими и эсхатологическими мотивами, рождаются новые мифологемы.¹⁶

Собственно, уже противопоставления «мы — они», «центр — периферия», являющиеся ключевой особенностью городской идентичности, демонстрируют явное присутствие в ней мифологических канонов рассуждения. В российской действительности, к примеру, получила широкое распространение мифологема противостояния регионов и городов федеральному Центру, который в предвыборных региональных пиар-кампаниях изображается как «средоточие хаоса» и «воплощение зла». В рамках данной логики, как и в древней мифологии, образ «своего» сопровождается исключительно положительной оценочной реакцией, в то время как «другие» оцениваются отрицательно (как агрессивные, честолюбивые, хитрые, коварные, ленивые и т. п.).¹⁷

В условиях современной городской среды в качестве «других» могут выступать не только чиновники федерального уровня, но и, к примеру, мигранты. Инклюзивность идентичности крупных городов, где рефлексy homo eopomicus выражены в большей степени, позволяет ей включать в свой состав «чужаков», «варваров, упершихся в городские стены» (термин М. Фуко),¹⁸ которые иной раз с готовностью демонстрируют свой «культурный капитал» как некое качество, выгодно отличающее их от доминирующего в городе этнокультурного большинства. По отношению к «другим» осуществляется надзор, они могут подвергаться дополнительной стигматизации со стороны городского сообщества (для него типично выражение «понаехали тут»). Победа над «врагом» всегда имеет символическое звучание и проявляется в частичном или полном вытеснении «противника» из жизни города с последующим его «забвением», превращением в объект, недостойный того, чтобы

быть представленным, например, в городских СМИ. Тем самым «другие» участвуют в конструировании включения и исключения, т. е. регуляции доступа к возможностям и правам.

При угрозе нарушения порядка и равновесия в городском пространстве часто используются чисто мифологические механизмы преодоления хаоса. И. Малякин, в частности, отмечает широкий спектр действий городской элиты, направленных против распространения нежелательной информации в городах и регионах: создание информационных фильтров, обеспечивающих трансляцию исключительно положительных образов; прием «заклинаний» (публикация в прессе, выступления официальных лиц), проведение ритуалов (специальные заседания одного из органов власти, разработка программы, проведение кампаний).¹⁹ Завершается ритуал вербализацией «решения» проблемы. По законам вербальной магии объявление проблемы «решенной» при соблюдении последовательности всех необходимых действий тождественно ее действительному решению, по крайней мере, в рамках гибридной реальности. Несоответствие заявленной цели достигнутому результату в актуальной реальности объясняют, как и всякий неуспех магического действия, вмешательством «темных сил».²⁰

В рамках мифологизации присутствует также склонность городских субъектов к возвышению истории и культуры своего города. Так, В. А. Шнирельман приводит в качестве примера попытку курских интеллектуалов, на основе сконструированного Сталиным «курско-орловского» диалекта представить свою землю «неотъемлемой, корневой и центральной областью русского этноса» и провозгласить «особую ответственность за судьбу страны, государства, языка, культуры, традиций».²¹ Нередко такая позиция воспроизводится и в ироничных суждениях типа «Москва — это государство в Восточной Европе, со всех сторон окруженное Россией».

Мифологемы-конструкты городской среды Екатеринбурга

Характерно в этом смысле воспроизводство мифологем, связанных с Екатеринбургом.

¹⁶ Werblowsky Zwi R. J. "Introduction: Mindscape and Landscape" // Kedar B. Z., Werblowsky Zwi R. J. Sacred Space: Shrine, City, Land. New York, 1998. P. 9–17.

¹⁷ К примеру, мифологическая версия истории Великого Новгорода во многом выстраивается за счет апелляции к демократическому прошлому этих земель, к наличию новгородского вече, распространению берестяных грамот, что призвано характеризовать новгородцев как свободных и образованных людей, выгодно отличающихся от остального населения Руси. Характерно, что в свое время при поддержке некоторых ученых и губернатора Свердловской области получил развитие и миф об особости уральцев, которые якобы отличаются в лучшую сторону от остальных россиян антропологически, психологически и по своим деловым качествам.

¹⁸ Фуко М. Нужно защищать общество: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс. М., 2005. С. 208.

¹⁹ См.: Малякин И. Российская региональная мифология: три возраста // Pro et Contra. 2000. Зима. С. 114.

²⁰ Там же. С. 116.

²¹ Шнирельман В. А. Идентичность и политика постсоветской памяти // Общество: концепты, институты и символы. URL: <http://politconcept.sfsedu.ru/2009.2/10.pdf> (дата обращения: 12.01.2016).

Екатеринбург относится к типу «городов-заводов»,²² исторически сформировавшихся в XVIII в. как поселение при железоделательном заводе и на протяжении всего своего существования сохранявших производственную функцию в качестве основной. По замечанию писателя А. Иванова, занимающегося региональным брендингом Урала, главные достопримечательности Екатеринбурга — пруд и Плотинка «несут идею горного завода, здания конструктивизма — идею промышленности нового времени, а новые дома-циклопы — идею индустриальной цивилизации. Очень логично: от старинного завода к цивилизации. Никакой другой город Урала не имеет всей “генетической цепочки” этих смыслов, только Екатеринбург».²³

Исторически идентичность Екатеринбурга, как отмечает Т. А. Круглова, складывалась на совмещении горнозаводской и социалистической индустриальной социальной мифологий. Эти близкородственные мифологии создавали для самопрезентации Екатеринбурга как мощного индустриального города-героя основания, переживаемые как «естественные».²⁴

В современной истории Екатеринбург продолжает конструировать свою идентичность. Периодически в СМИ, академической среде и на обыденном уровне воспроизводятся разговоры о Екатеринбурге как о столице «горнозаводской идентичности», «кресте индустриальности», «центре Евразии».²⁵ В этом контексте очевидна апелляция к мифотворчеству, которое в Екатеринбурге, как, впрочем, и в других крупных городах, инициируется сегодня экономической целесообразностью, потребностью жителей в культурном своеобразии городской среды и в то же время в ощущении себя частью глобального человечества.

Мифологизированный образ города часто создается с помощью включения в урбанисти-

ческий пейзаж определенных природных объектов. Для Екатеринбурга такими объектами выступают прежде всего камень, гора, река. Город расположен на восточном склоне Уральских гор, на берегах р. Исети. Уральский горный ландшафт часто указывается как основной фактор, определяющий характер и направленность развития города. С геологической точки зрения Урал — складчатая область, образовавшаяся в палеозое, «минералогический рай», ярко описанный П. П. Бажовым. На основе этого рождается мифологема города как «Каменного цветка», разделенного на семь административных районов как «граней» общегородского образа, уникальных по архитектурно-планировочной системе, отраслям производства, культурно-исторической составляющей. По мифологическому типу строится и персонификация неодушевленных объектов (камня, гор), воспроизводящаяся, к примеру, в суждении о том, что геология сделала территорию уральских городов «прародиной древних народов»,²⁶ наделила уральцев «каменной твердью», «избранностью» и придала им «особую миссию».²⁷

В силу объективного дефицита водных артерий в Екатеринбурге, возможностей для мифологизации этого ресурса гораздо меньше, но он также присутствует в мифологемах города. Отмечается, в частности, что В. Н. Татищев выбрал место «посередине всех заводов», на реке Исети, в 25 верстах от Чусовой, соединяющей Урал с важнейшими водными артериями страны — Камой и Волгой, откуда шел прямой водный путь в Сибирь.²⁸ Актуальна мифологема Екатеринбурга как города с «портовой мифологией», поскольку в нем воспроизводятся отдельные черты порта: строится крупный евразийский логистический центр и хаб, город превращается в место пересечения культур и цивилизаций, а также претендует на мероприятия глобального уровня.²⁹ В рамках экскурсий Государственного Центра современного искусства (ГЦСИ) «Коды города: вода» воспроизводится идея о том, что Екатеринбург является

²² Поршнева О. С., Казакова-Апкаримова Е. Ю. Столица Урала: эволюция административного статуса Екатеринбурга и идентичности горожан в XVIII — начале XX века // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2015. Т. 139. № 2. С. 178–191.

²³ Иванов А. Екатеринбург — город нахальный и сильный духом. URL: <http://urbibl.ru/Stat/Sovremenniki/ivaniov.htm> (дата обращения: 12.01.2016).

²⁴ См.: Круглова Т. А. Самопрезентация уральской индустриальности: от марксизма до мифологии // 1 Уральская индустриальная биеннале современного искусства, (9 сентября — 10 октября 2010 г.). Специальные проекты. Екатеринбург, 2010. С. 60.

²⁵ См.: От завода-крепости к столице Урала. URL: <http://www.moi-ural.ru/taxonomy/term/1?page=16> (дата обращения: 05.03.2016); Россель предложил сделать Екатеринбург центром Евразии. URL: http://www.e1.ru/news/spool/news_id-270770.html (дата обращения: 05.03.2016).

²⁶ См.: Баков А. А., Дубичев В. Р. Цивилизации Средиземья. Екатеринбург, 1995.

²⁷ См.: Казакова Г. М. Культурные миссии регионов России (на примере Урала и Сибири). URL: <http://psibook.com/religion/kulturnye-missii-regionov-rossii-na-primere-urala-i-sibiri.html> (дата обращения: 05.03.2016); Никулина М. «Про старинное житье и про тайную силу» // Урал. 2000. № 6. С. 165–179.

²⁸ Екатеринбург. URL: <http://ekbgrad.ru/o-ekaterinburge/> (дата обращения: 05.03.2016).

²⁹ См.: Москвин Д. Город-на-реке. URL: <http://www.acexpert.ru/archive/17-18-554/gorod-na-reke.html> (дата обращения: 12.01.2016).

местом 12(!) рек, большинство которых в середине XX в. было упрятано в трубы.³⁰

В современной городской идентичности Екатеринбурга оказываются актуальными и востребованными и такие приемы, характерные для мифологии в целом, как сакрализация, т. е. вывод за рамки повседневности каких-либо сфер деятельности или персон. Так, примечателен миф о мэре Екатеринбурга Евгении Ройзмане, человеке «со сложной судьбой», борце с наркоторговлей, который «захватил» небольшой кабинет в ратуше Екатеринбурга и «сумел консолидировать людей разных взглядов». В газете «Комсомольская правда» отмечалось, что «всю предвыборную кампанию он ходил в красном, но мир вокруг него исключительно черно-бел, потому что его либо любят, либо ненавидят, а третьего почему-то не дано».³¹ Вариантом мифологического приема оказывается и провозглашение связи лидера города и его образа с одним из персонажей исторического мифа. Это воспроизводится, в частности, в рассуждениях о екатеринбургском мэре как об «уральском Робин Гуде», в приписывании ему готовности изменять ход развития города. Последнее выражается, к примеру, в идее о выходе Екатеринбурга при новом мэре из «индустриальной ловушки» или рассмотрении Екатеринбурга как «полигона для обкатки» демократических процедур в современной России. В рамках этой логики актуально также представление о способности главы города распознавать врагов и бороться с ними.³²

Мифологизация образа города касается также поиска выдающихся личностей, иногда непосредственно и не связанных с городом. К примеру, городская легенда рассказывает о том, что известный диктор Ю. Б. Левитан с 1941 г. по 1943 г. сидел все время в подвале дома 2 по адресу Радищева. Его выводили на прогулки только ночью в окружении солдат, и, чтобы те не узнали, кого они охраняют, ему запрещалось говорить.³³ Народная мифология повествует о разгуле в Екатеринбурге В. Маяковского и о его походе в баню, а также о слоне, который был эвакуирован по приказу Сталина

в Свердловск во время Великой Отечественной войны и жил в алтаре церкви (!). Немало легенд существует и о первом президенте России Б. Н. Ельцине. Одна из них гласит, что при строительстве «Белого дома» (он же — «Зуб мудрости») Ельцин лично клал кирпичи.³⁴

Широко распространенные приемы мифологизации образа города — апелляция к нумерологии,³⁵ маркирование пришлым населением заселяемой территории собственными названиями, а также переименование улиц, снос памятников и отмена прежних праздников. Все эти примеры выступают как средство преобразования уже освоенного пространства. К примеру, главная площадь города за свою историю сменила много названий: Торговая, Церковная, Главная, Кафедральная, Площадь 1905 года. С 1906 г. на площади стоял памятник Александру II; в 1917 г. на постамент памятника императору водрузили фигуру Свободы; следующей стала голова Маркса; потом поставили фигурку голого мальчика, в народе прозванного «Ванька Голый». В середине XX в., когда задумали украсить площадь памятником Ленину, его поставили чуть в стороне, не в центре. Все постсоветские города проходили через эту практику, и интенсивная борьба между разными версиями социальной памяти никогда не прекращалась.³⁶ Отражением этой практики является, в частности, развернувшаяся в настоящее время дискуссия вокруг переименования улицы Толмачева в Царскую.

Особое место в мифологизации образа города принадлежит мифам о знаковых местах Екатеринбурга. К ним, например, относится Городок Чекистов — уникальный комплекс зданий в стиле конструктивизма. Он воплощал грандиозный для своего времени проект, создатели которого попытались претворить в жизнь утопическую идею коммуны. Внутреннее пространство внешне однотипных корпусов разрабатывалось как сочетание нескольких вариантов планировки. В создававшихся

³⁴ Там же.

³⁵ На одном из сайтов о городе, в частности, можно прочесть следующее: «Случайность ли, что датой основания Екатеринбурга стали цифры 1723? По нумерологии, 1 — лидерство, характер, сила воли; 7 — мудрость, знание, духовность. Но вместо питерского «о» — болезней и пустоты, у нас значится двойка, сулящая общение, склонность к авантюризму, богатству и деньгам. И общая между «окном в Европу» и «окном в Азию» — тройка, обещающая много эмоциональных и неожиданных событий». (URL: <http://ngzt.ru/afisha/view/7> (дата обращения: 05.01.2016).

³⁶ См.: Парамонова В. Социальное пространство города: отражение в названиях улиц // Власть. 2010. № 12. С. 50–54.

³⁰ См.: Екатеринбург водный: история, тайны, открытия. URL: <http://ekabu.ru/ekaterinburg/86508-ekaterinburg-vodnyy-istoriya-tayny-otkrytiya.html> (дата обращения: 12.01.2016).

³¹ Почему в Екатеринбурге выбрали в мэры Ройзмана — главу «Города без наркотиков»? Электронный ресурс. URL: <http://www.kp.ru/daily/26137/3027403/> (дата обращения: 12.01.2016).

³² Там же.

³³ Городские легенды. Электронный ресурс. URL: <http://itsmcity.ru/blog/post/id/5046> (дата обращения: 12.01.2016).

в Екатеринбурге домах-коммунах предполагалось внедрение новых форм быта путем обществения на индустриальной основе трудоемких бытовых процессов — приготовления пищи и стирки. Поэтому в домах были исключены из планировки в одном случае кухни, в другом, — ванны. Организация дворов-садов задумывалась для коллективного отдыха, а столовые и дома культуры проектировались для совместного проведения досуга жителями соцгородков.³⁷ В современных мифах Городок Чекистов устроен еще сложнее: предполагается, что он включает в себя таинственные подземные ходы, благодаря которым отсюда можно попасть в любую точку Екатеринбурга. Характерно и современное стремление гипертрофировать по мифологическому типу значение некоторых объектов города, давая им дополнительные обозначения: Екатеринбург-Сити — «уральский Манхэттен», Академический район — «крупнейший градостроительный объект России» и т. п.

Мифологемы знаковых городских мест дополняются мифами об особых «нехороших местах», которых в Екатеринбурге довольно много. По мнению журналистки Анны Антипиной и группы уфологов «Сталкер», в Екатеринбурге есть, как минимум, восемь мистических мест, связанных между собой какой-то неведомой силой и обладающих «необыкновенной энергетикой».³⁸ К примеру, по легенде, в усадьбе Расторгуевых-Харитоновых XIX в. в подземелье было замучено много людей, самих хозяев усадьбы сопровождали проклятья и таинственные смерти, а в саду до сих пор можно встретить призраков. Широко известен и миф о заброшенной больнице, находящейся в Зеленой Роще, в которой якобы есть таинственная комната времени и клетка, где держали несчастных, над которыми ставили опыты. Подобные мифы, помимо прочего, позволяют восполнить недостаточность смы-

словой окрашенности определенных мест в городе.

Заключение

Естественно предположить, что в современных условиях мифологемы становятся неотъемлемой частью городской идентичности и поиска имиджа города, условием повышения его статуса. В пространстве современного города можно выделить два уровня мифотворчества.³⁹ «Мифотворчество сверху» носит искусственный, сконструированный характер и является составной частью идеологии. Постиндустриальный город функционирует как медиатекст, в котором образы сформированы не столько культурным бессознательным, сколько коллективной медийной картиной мира. «Мифотворчество снизу» как спонтанная, «непредзаданная» мифологизация образов, отношений, событий, осуществляемая и в восприятии массовой культуры, и в жанрах устного народного творчества, также продолжает сохранять свою актуальность. К этому пласту фольклора относятся, например, былички — устные истории о необычных событиях, которые подаются как абсолютно достоверные.⁴⁰ Такая народная мифология, осваивающая все новые образы — самая обширная составляющая современной городской мифологии.

В контексте мифологизации пространства важным становится чувство эмоциональной сопричастности городу, когда он обретает черты не «города вообще», а пространства, соразмерного человеческому. В условиях превращения современных городов в «глобальные» города и «постметрополисы»,⁴¹ в которых «сердцу горожанина нечем успокоиться, нет сельского умиротворения на природе и нет столичного утешения высокими образцами искусства»,⁴² мифы позволяют городам подчеркивать свою особость, исключительность.

Elena V. Golovneva

Candidate of Philosophical Sciences, Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: golovneva.elena@gmail.com

³⁷ См.: Кропотов С., Литовская М. «Три утопии Екатеринбурга / Свердловска: городское пространство и производство мечты // 1 Уральская индустриальная биеннале современного искусства... С. 50.

³⁸ Антипина А. А. 8 аномальных мест Екатеринбурга. URL: http://urbibl.ru/Stat/Zag_Mesta/an_mesta_ekat.htm (дата обращения: 12.01.2016).

³⁹ См.: Барт Р. Из книги «Мифологии» // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989. С. 46–130.

⁴⁰ См.: Мартишина Н. И. Когнитивные основания паранауки. Омск, 1996. С. 122.

⁴¹ См.: Соджа Э. Постметрополис. Критические исследования городов и регионов // Логос. 2003. № 6 (40). С. 133–150.

⁴² Иванов А. Ебург. М., 2014. С. 31.

MYTHOLOGIZATION AS A MEANS OF URBAN IDENTITY CONSTRUCTING (EKATERINBURG IN INTERNET-FORUMS)

The article offers arguments in favor of understanding urban identity as a designable spatial identity. It is exposed to ideological influences and has various dimensions including the mythological one. Mythologization of a city is viewed as the shaping in the minds of the citizen of its image with the use of mythological thought modes, such as the counter positioning of “us and them”, glorification of history and culture of one’s city, personification of inanimate objects, sacralization of certain spheres of life, historical themes or persons, appeals to numerology, labeling of the territory, identification of important landmarks and mysterious places within the city’s environment. Based on the analysis of the Internet-forums’ content focusing on Ekaterinburg the author identified the content of mythologization in the modern environment. Urban identity of Ekaterinburg is understood as a phenomenon operating on the basis of various mythologems of the city as a “center of mining civilization”, “mineralogical heaven”, a city with a “port mythology”, a city, which is the home of outstanding personalities, and a city with “mysterious places”, etc. A conclusion is made that in post-modernism culture the urban myth-making consists of two layers — the official and the grassroots (folk mythology) ones, and the contemporary myths fill the megalopolises with new meaning and contribute to emphasizing their exclusivity. These mythologems are an inseparable part of urban identity and reflect a search for a city’s image as a precondition to raising its status.

Keywords: *city, image of the city, city identity, social designing of reality, construct, urban mythology, mythologization, Ekaterinburg*

REFERENCES

- Abashev V. V. *Perm kak tekst. Perm v russkoy kulture i literature XX veka* [Perm as text. Perm in the Russian culture and literature of the 20th century]. Perm: Izd-vo Permskogo Uni. Publ., 2000. 404 p. (in Russ.).
- Bakov A. A., Dubichev V. R. *Tsivilizatsii Sredizemya* [Civilizations of Sredizemya]. Ekaterinburg: Uralskiy rabochiy Publ., 1995. 254 p. (in Russ.).
- Bart R. *Iz knigi «Mifologii»* [From the book “Mythologies”]. Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika [Chosen works. Semiotics. Poetics]. Moscow: Progress Publ., 1989, pp. 46–130. (in Russ.).
- Berger P., Lukman T. *Sotsialnoe konstruirovaniye realnosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [Social designing of reality. The treatise on knowledge sociology]. Moscow: Medium Publ., 1995. 323 p. (in Russ.).
- Beskov A. A. *Mifologiya mifologii* [Mythology of mythology]. Obshchestvo. Sreda. Razvitie [Society. Wednesday. Development], 2015, no. 1, pp. 116–120. (in Russ.).
- Brockmeier J. *Texts and other symbolic spaces*. Mind, culture and activity, 2001, vol. 8, no. 3, pp. 215–230. (in English).
- Fuko M. *Nuzhno zashchishchat obshchestvo. Kurs lektsiy* [It is necessary to protect society. Course of lectures]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2005. 312 p. (in Russ.).
- Gergen K. J. *Realities and Relationships: Soundings in Social Constructionism*. Cambridge, Harvard University Press. Publ., 1994. 356 p. (in English).
- Harre R., Mushlauser P. *Pronouns and People. The Linguistic Construction of Social and Personal Identity*. Oxford: Blackwell Publ., 1990. 360 p. (in English).
- Ivanov A. *Yeburg* [Eburg]. Moscow: AST: Redaktsiya Yeleny Shubinoy Publ., 2014. 576 p. (in Russ.).
- Kaganskiy V. L. *Arealnaya paradigma prostranstvennoy identichnosti: osnovaniya, predely, vykhod za predely* [Areal paradigm of spatial identity: the bases, limits, an exit out of limits]. Vestnik Permskogo nauchnogo tsentra, 2004, no. 5, pp. 10–19. (in Russ.).
- Konstruktivizm v teorii poznaniya* [Constructivism in the theory of knowledge]. Moscow: IFRAS Publ., 2008. 176 p. (in Russ.).
- Kropotov S., Litovskaya M. «Tri utopii» Ekaterinburga / Sverdlovsk: gorodskoe prostranstvo i proizvodstvo mechty [“Three utopias” of Ekaterinburg / Sverdlovsk: city space and production of dream]. 1 Uralskaya industrialnaya biennale sovremennogo iskusstva [The First Ural industrial Biennial of the modern art]. Ekaterinburg, 2010, pp. 42–57. (in Russ.).
- Kruglova T. A. *Samoprezentatsiya uralskoy industrialnosti: ot marksizma do mifologii* [Self-presentation of the Ural industriality: from Marxism to mythology]. 1 Uralskaya industrialnaya biennale sovremennogo iskusstva [The First Ural industrial Biennial of the modern art]. Ekaterinburg, 2010, pp. 58–67. (in Russ.).
- Linch K. *Obraz goroda* [Image of the city]. Moscow: Stroyizdat Publ., 1982. 328 p. (in Russ.).

- Malyakin I. *Rossiyskaya regionalnaya mifologiya: tri vozrasta* [Russian regional mythology: three age]. Pro et Contra, 2000, pp. 101–115. (in Russ.).
- Martishina N. I. *Kognitivnye osnovaniya paranauki* [Cognitive bases of parascience]. Omsk: Izd-vo OmGTU Publ., 1996. 188 p. (in Russ.).
- Martishina N. I. *Konstruktivistiskaya issledovatel'skaya programma v sotsialno-gumanitarnom znanii* [The constructivist research program in social and humanitarian knowledge]. Gumanitarnye issledovaniya, 2015, no. 2 (6), pp. 19–23. (in Russ.).
- Martishina N. I. *Mifologizatsiya kak sposob osvoeniya gorodskoy sredy* [Mythologization as way of development of an urban environment]. Sovremennyy gorod: sotsialnost, kultura, zhizn lyudey. Materialy XVII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. (Ekaterinburg, 14–15 aprelya 2014) [Modern city: sociality, cultures, life of people. Materials of the 17th International scientific and practical conference. (Ekaterinburg, on April 14–15, 2014).]. Ekaterinburg: Izd-vo Gumanitarnogo universiteta Publ., 2014, pp. 215–218. (in Russ.).
- Nikolaeva Ye. V. *Gorod-mif, gorod-kollazh, gorod-gipertekst* [City myth, city collage, city hypertext]. *Kultura kak predmet mezhdistsiplinarnykh issledovaniy: Materialy II Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Tomsk, 11–13 maya 2010* [Culture as subject of interdisciplinary researches: Materials of the 2nd International scientific conference. Tomsk, on May 11–13, 2010]. Tomsk: Izd-vo NTL Publ., 2010, pp. 170–175. (in Russ.).
- Nikulina M. «Pro starinnoe zhite i pro taynyu silu» [“About ancient life and about secret force”]. Ural, 2000, no. 6, pp. 165–179. (in Russ.).
- Paramonova V. *Sotsialnoe prostranstvo goroda: otrazhenie v nazvaniyakh ulits* [Social space of the city: reflection in names of streets]. Vlast [Power], 2010, no. 12, pp. 50–54. (in Russ.).
- Pelipenko A. A. *Gorodskoy mif o gorode (v evolyutsii khudozhestvennogo soznaniya i gorodskogo bytiya)* [The city myth about the city (in evolution of art consciousness and city life)]. Gorod i iskusstvo: subekty sotsiokulturnogo dialoga [City and art: subjects of sociocultural dialogue]. Moscow: Nauka Publ., 1996, pp. 39–48. (in Russ.).
- Pivoev V. M. *Filosofiya nadezhdy. Ili Mifologiya* [Hope philosophy. Or Mythology]. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU Publ., 2011. 107 p. (in Russ.).
- Porshneva O. S., Kazakova-Apkarimova Ye. Yu. *Stolitsa Urala: evolyutsiya administrativnogo statusa Ekaterinburga i identichnosti gorozhan v XVIII — nachale XX veka* [Capital of the Urals: evolution of the administrative status of Ekaterinburg and identity of citizens in the 18th — early 20th centuries]. Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Ser. 2. Gumanitarnye nauki, 2015, no. 2, vol. 139, pp. 178–191. (in Russ.).
- Punina K. A., Romashchova M. V. *Lokalnaya identichnost: gorod kak sreda, obekt i institut formirovaniya identichnosti* [Local identity: city as Wednesday, object and institute of formation of identity]. Borba za identichnost i novye instituty kommunikatsii [Fight for identity and new institutes of communication]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya Publ., 2012, pp. 215–235. (in Russ.).
- Shnirelman V. A. *Identichnost i politika postsovetskoy pamyati* [Identity and policy of Post-Soviet memory]. Obshchestvo: kontsepty, instituty i simvol [Society: concepts, institutes and symbols] (in Russ.). Available at: <http://politconcept.sfedu.ru/2009.2/10.pdf> (accessed 12.01.2016).
- Sindalovskiy N. A. *Mifologiya Peterburga. Ocherki* [Mythology of St. Petersburg. Essays]. St. Petersburg: Norint Publ., 2000. 448 p. (in Russ.).
- Sodzha E. *Postmetropolis. Kriticheskie issledovaniya gorodov i regionov* [Post-metropolis. Critical researches of the cities and regions]. Logos, 2003, no. 6 (40), pp. 133–150. (in Russ.).
- Toporov V. N. *Peterburg i «Peterburgskiy tekst russkoy literatury» (Vvedenie v temu)* [St. Petersburg and “The St. Petersburg text of the Russian literature” (Introduction to a subject)]. Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe [Myth. Ritual. Symbol. Image: Researches in the field of mythopoetic: Favourites]. Moscow: Progress — Kultura Publ., 1995, pp. 259–367. (in Russ.).
- Vendina O. I. *Moskovskaya identichnost ili identichnost moskvichey* [Moscow identity or identity of Muscovites]. Izvestiya RAS. Seriya geograficheskaya, 2012, no. 5, pp. 27–39. (in Russ.).
- Virt L. *Izbrannye raboty po sotsiologii. Sbornik perevodov* [Chosen works on sociology. Collection of translations]. Moscow: INION Publ., 2005. 244 p. (in Russ.).
- Werblowsky Zwi R. J. “Introduction: Mindscape and Landscape”. Kedar, B. Z., Werblowsky Zwi R. J. Sacred Space: Shrine, City, Land. New York: New York University Press Publ., 1998, pp. 9–17. (in English).
- Zamyatin D. N. *Gumanitarnaya geografiya: predmet izucheniya i osnovnye napravleniya razvitiya* [Humanitarian geography: subject of studying and main directions of development]. Obshchestvennye nauki i sovremennost [Social sciences and present], 2010, no. 4, pp. 128–138. (in Russ.).
- Zamyatin D. N. *Lokalnye mify: modern i geograficheskoe voobrazhenie* [Local myths: modernist style and geographical imagination] (in Russ.). Available at: URL: <http://www.intelros.ru/subject/figures/dmitriy-zamyatin/12250-lokalnye-mify-modern-i-geograficheskoe-voobrazhenie.html> (accessed 12.01.2016).

К статье Е. В. Головневой



Центр Екатеринбурга.
Фото А. Курлаева, 2008 г.